
Hope of Salvation Mission

Грейс Ливингстон Хилл

*Странное
предложение*

Миссия «Надежда Спасения»
Ванкувер

МСМ
Санкт-Петербург
2009

Серия «Дорога жизни»

© Издание на русском языке. Hope of Salvation Mission, 2009

P. O. Box 5022, Vancouver WA 98668-5022

Хилл Г. Л.

Странное предложение / Пер. с англ. — СПб.: ООО «МСМ», 2009. — 288 с. — (Дорога жизни)

ISBN 978-5-903010-18-9 (отд. кн.)

ISBN 978-5-903010-15-8

Главная героиня — молодая красавица Мэри Элизабет Вейнрайт, наследница огромного состояния. Она привыкла проводить свои беззаботные дни в обществе ветреных подруг и богатых ухажеров.

Неожиданно в ее жизнь врываются настоящие чувства. На свадьбе своего кузена она знакомится с Джоном Саксоном, который признается ей в любви и делает предложение. Однако в тот же вечер немилосердная судьба разлучает их.

Увидятся ли они вновь? И суждено ли им быть вместе, ведь есть главная преграда на пути их любви — его верность Иисусу. Позволит ли Господь Мэри Элизабет быть рядом с любимым?

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения издателя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Д*жон Саксон впервые увидел Мэри Элизабет, когда она величавой поступью шла по проходу в церкви на свадьбе Джеффри Вейнрайта. Джон был шафером и стоял рядом с женихом, откуда ему было все отлично видно.

Первыми явились распорядители, чтобы рассадить гостей. Они украдкой оценивали обстановку с искренним желанием быстрее покончить с этим делом. Затем показались четыре подружки невесты в светло-зеленых шуршащих кисейных платьях, а за ними — Мэри Элизабет! Она была одета во что-то мягкое благородного розового оттенка, как первая вспышка утреннего рассвета. В руке она держала охалку свежей зелени адиантума с нежными цветочками, подобно снопу веселой весенней жатвы. Она вела за собой невесту, Камиллу, державшую под руку старого друга своего отца судью Бэррона, и, казалось, была рада явить себя ожидающему миру.

Но Джон Саксон не замечал прелестной невесты, потому что его взгляд был прикован к Мэри Элизабет, пока та шла по проходу.

У Мэри Элизабет были большие сияющие глаза, окаймленные длинными темными ресницами под тонкими линиями бровей. Она слегка улыбалась ненакрашенными губами, ее подбородок немного выдавался, а живой интерес и восторг были видны во всем ее существе, что выделяло ее среди остальных гостей на свадьбе. Все происходящее было для нее увлекательной игрой, в которую оказались вовлечены все приглашенные, и она получала удовольствие

от каждой минуты этой игры. Она не стремилась в точности отмерять каждый шаг и просчитывать каждое движение, как это делали остальные подружки невесты. Мэри Элизабет двигалась, подчиняясь внутреннему ритму, так же естественно, как плывут облака или как порхает бабочка.

Край прозрачной широкополой шляпы девушки показался Джону Саксону легкой тенью от нимба, когда она, прежде чем встать на свое место слева от прохода, подняла голову, улыбнулась и взглянула на него, как на старого знакомого.

На других подружках невесты тоже были надеты белые шляпы, но они вовсе не походили на нимбы. Это были просто шляпы.

Тут Джон Саксон вспомнил о невесте, и, прежде чем кто-либо заметил, как он разглядывает Мэри Элизабет, он обернулся и посмотрел в глубь прохода на Камиллу. Она была одета в милое, украшенное вышивкой кисейное свадебное платье своей матери, сохранившееся с давних времен. Камилла, покрытая наследственной фатой Вейнрайтов из дорогого кружева ручной работы, украшенной цветами апельсинов из флоридской рощи; Камилла с белыми орхидеями от Джефа... Она светила неземным счастьем, улыбаясь в ответ на приветственную улыбку жениха.

Да, она была очень красивой невестой с золотистыми волосами под кружевным рисунком и восковыми цветами! Как прекрасно они будут смотреться рядом, Джеф и Камилла! Как он был рад за Джефа, что он нашел себе такую девушку!

Затем он ступил на один шаг вперед и отошел немного вправо, заняв свое место в полукруге, как и было задумано, а пожилой служитель встал перед женихом и невестой на фоне пальм и цветов, которыми горожане оформили церковь по случаю свадьбы Джефа и Камиллы.

Джон снова поспешил найти взглядом Мэри Элизабет, опасаясь, не исчезла ли она и действительно ли эта девушка реально существовала, а не была лишь плодом его воображения. Он снова встретился с ней взглядом и нашел, что она излучала живую радость от происходящего и что сам он откликается на блеск в ее глазах и лег-

кую улыбку в уголках очаровательных губ. Казалось, что они знают друг друга давным-давно. Не могло быть, что он только что увидел ее и впервые в жизни почувствовал, как сильно может биться его сердце при взгляде на прекрасную девушку! Как же так случилось, что их еще даже не представили друг другу!

Джон Саксон прибыл сюда всего за день до свадьбы и провел большую часть времени в поисках необходимых деталей для костюма, в котором шаферу жениха предстояло явиться на бракосочетание.

Между прочим он успел поинтересоваться у Джефа, кто главная подружка невесты, когда тот встретил его на вокзале и объяснил, как добраться до портного, а также до галантерейного магазина.

— И кто же эта особа, которую мне предстоит вести к выходу по окончании церемонии? Должно быть, какая-нибудь зануда, поскольку ты уже получил единственную самую лучшую девушку на свете? — спросил Джон, дружески похлопав Джефа по плечу.

— Отчего же? Думаю, что она очень даже ничего. Я ее еще не видел, но она старая школьная подруга Камиллы. Она едет сюда из Калифорнии специально на свадьбу. Камилла говорит, что она посвященная христианка и занимается каким-то служением. Так что я полагаю, что вы найдете общий язык. Как бы там ни было, тебе не будет с ней скучно. Она должна прибыть сюда завтра после полудня. Кто-нибудь будет заменять ее сегодня на репетиции, поэтому в любом случае она не успеет тебе надоесть. Ее зовут Фостер — кажется, так. Да, Хелен Фостер.

И никто не сказал Джону Саксону о том, что железнодорожные пути где-то в середине континента оказались размытыми, об аварии, которая случилась с поездом, шедшим перед тем, на котором ехала Хелен Фостер, и о двадцатичетырехчасовой задержке. Он не знал, что, несмотря на судорожные попытки добраться до аэропорта из затерянного местечка, в котором произошла авария, у нее ничего не вышло и в результате, всего за два часа до начала церемонии, главная подружка невесты отправила телеграмму, что она никак не сможет успеть на бракосочетание. Джон Саксон

провел большую часть дня в магазинах, сосредоточенно сравнивая цены на тот или другой предмет вечернего гардероба, и прибыл в гостиницу как раз вовремя, чтобы неторопливо переодеться и направиться к установленному часу в церковь. Более того, он прибыл туда даже несколькими минутами раньше Джефа. Таким образом, он избежал волнений и тревог, которые последовали за известием об отсутствии главной подружки невесты. Он не знал, насколько поспешно и с каким напряжением вновь и вновь обсуждался нелегкий вопрос о том, кем ее заменить и стоит ли это делать. Не знал он и того, насколько невозможным казалось в последний момент найти близкую подругу, которая бы заняла место Хелен Фостер и сыграла эту ответственную роль на официальном бракосочетании, даже не имея соответствующего наряда.

Напряжение достигло наивысшей степени, и Камилла едва не плакала, когда думала об Уоррен Вейнрайт, Сивеллах из Бостона, Блекбернсах и Старрах из Чикаго и Нью-Йорка, всех своих будущих родственниках. Она перебирала список всех известных ей девушек, которые хоть как-то подходили бы на роль главной подружки, и в отчаянии качала головой. Среди них не было никого, кто мог бы занять это место в последний момент и подойти для этой роли. Да если бы такая и нашлась, то как быть с платьем?

Конечно же, покупка наряда не заняла бы много времени, но никакое случайное платье не смогло бы вписаться в эту простую и в то же время изысканную свадебную атмосферу, не показавшись при этом фальшивой нотой в общей совершенной гармонии. Несомненно, в Нью-Йорке можно было купить хорошее платье, если бы у кого-то нашлось время отправиться и пройтись по магазинам, но времени на поиски уже ни у кого не было, а их родной городок не был Нью-Йорком.

Камилла, напряженно сдвинув брови, стояла посреди гостиной люкса, который она занимала вместе с матерью, пытаясь вспомнить какое-нибудь из своих платьев, которое она могла бы одолжить, чтобы свадебная процессия не осталась без главной подружки невесты. В этот момент вошел Джефффри Вейнрайт. Он был

крайне удивлен, что глаза его невесты не вспыхнули при виде жениха, как случилось в последние дни, стоило ему только оказаться поблизости.

Камилла возбужденно поведала ему о своем горе, но он только улыбнулся в ответ.

— Ничего страшного, — сказал он весело, выслушав ее историю и прочитав текст телеграммы, — пригласи Мэри Бет! Если, конечно, ты не возражаешь против одной из моих кузин вместо одной из своих подруг. Мэри Бет вечно возит с собой кучу всевозможной одежды. Она подберет что-нибудь подходящее. Она только что приехала и с радостью это сделает. Ведь вы еще не знакомы? Она — моя самая любимая кузина и недавно вернулась из-за границы. Ну что, позвать ее? Ее номер расположен чуть дальше по коридору. Просто объясни ей, что тебе нужно, и она что-нибудь придумает, у нее это всегда получается.

И тогда, улыбаясь на предложение Джефа, пришла Мэри Элизабет, поцеловала Камиллу и ее мать, осмотрела свадебные наряды, включая светлые шуршащие кисейные платья подружек невесты, и удалилась с задорно вздернутым подбородком, бросив у порога:

— Оставьте это мне! Я с удовольствием все сделаю. У меня как раз есть подходящий наряд — платье из бледно-розового шифона, которое я купила в Париже, — маленькое модельное платьице, но при этом совершенно простое!

И когда спустя час Мэри Элизабет проскользнула в номер Камиллы в полном наряде, та забыла о своих страхах. Она поняла, что простое маленькое платье из парижского бутика было скроено точно для предстоящего события: его линии отличались большим благородством, оно не будет выделяться на общем фоне как чересчур шикарное.

Так неожиданно Камилла узнала и полюбила Мэри Элизабет. Но Джон Саксон ничего об этом не знал.

И сейчас, хотя у Джона было большое искушение не отрываясь рассматривать прекрасные черты лица напротив, абсолютно никого не замечая, на него, как и всегда, можно было положиться, и он

твердо знал свои обязанности шафера. В нужный момент он должен был поднести кольцо, и он был не из тех, кто забывает о своих обязанностях. Поэтому он держал свой взгляд и мысли под контролем до тех пор, пока кольцо в целости и сохранности не было доставлено Джефу, который надел его на палец Камиллы. И тогда он поднял глаза и встретился взглядом с Мэри Элизабет. Они улыбнулись друг другу глазами, тогда как их губы оставались неподвижными сообразно серьезности происходящего, но оба знали, что вместе порадовались маленькому обряду, связанному с кольцом. Теперь Мэри Элизабет держала в руках огромный букет из орхидей вместе со своей зелено-бело-розовой копной. Милая, славная Мэри Элизабет! Джон Саксон подумал о том, насколько милой и неиспорченной она казалась. Он стоял, наблюдая за ней сияющими от счастья глазами, а в его голове пронеслись напряженные мысли: он пытался предугадать, что будет дальше. Всего через несколько минут, а может быть, и секунд он должен будет повернуться и повести ее к выходу из церкви, и тогда он сможет с ней заговорить. Их никто не представил друг другу, но это была пустая формальность. На этой свадебной церемонии они играли роль, которая предписывала им идти рядом, и не могли же они вышагивать как немые куклы только потому, что не были представлены. Его охватывал восторг от мысли, что он будет говорить с ней.

Но вот молитва окончена, произнесен последний нерушимый приговор, по которому Камилла Кристи и Джеффри Вейнрайт стали мужем и женой, подарен нежный завершающий поцелуй, Мэри Элизабет передала Камилле ее чудные белые орхидеи, поправила фату и причудливый старомодный шлейф, и Джеффри с Камиллой начали свой совместный жизненный путь. Затем Мэри Элизабет поправила собственные цветы и с улыбкой повернулась, чтобы поприветствовать шафера жениха, который стоял, затаив дыхание.

Джон Саксон положил ее руку на свою так, как если бы она была каким-то легко быющим предметом. При этом жесте его лицо засветилось от восторга, что не мог скрыть даже его бронзовый флоридский загар. Джон так внимательно разглядывал подружку

невесты, что можно было подумать, что они были старыми друзьями, которые потеряли друг друга и теперь каким-то чудесным образом нашли.

— Как же долго я вас искал! — сказал Джон Саксон, когда они зашагали вместе.

Мэри Элизабет подняла глаза и увидела в его взгляде что-то притягивающее и почти волнующее.

— Да? — спросила она светло. — Я сегодня пробежала почти весь день. Боюсь, меня было не легко найти.

— О, не только сегодня! — сказал Джон Саксон, сознавая, что далее по плану они должны последовать жениху и невесте. — Очень долго! Годы! Знаете, вообще-то я всегда знал, что встречу такую девушку, как вы! Вы не сердитесь на меня за то, что я так сразу? Мы можем говорить только отсюда и до дверей, а потом толпа гостей разлучит нас, а уже в полночь у меня отходит поезд.

— О! — выдохнула Мэри Элизабет и удивленно посмотрела на него. Ее глаза заискрились.

Они завершили свой торжественный старомодный марш как раз вовремя, совершенно не думая о любопытной аудитории, разглядывающей их с большим интересом. Они не сознавали, что после жениха и невесты они были на втором месте среди пар, представлявших особый интерес для зрителей, а жених и невеста уже исчезли из поля зрения присутствующих за исключением тех немногих, которые специально обернулись, чтобы посмотреть им вслед.

— Кто она? — шепотом спросила Салли Лейн у миссис Семпсон.

— Мне говорили, что какая-то родственница жениха.

— Но я думала, что должна была приехать Хелен Фостер!

— О, разве ты не знаешь? Случилась авария, и поезд Хелен задержали. Им пришлось искать кого-то в последний момент. Неужели ты не заметила, что ее платье отличается от остальных? Оно шито из другой материи, оно не такое шуршащее и накрахмаленное, и уж очень оно простое. Жаль! Я слышала, что все подружки невесты заказывали платья одного фасона.

— А мне оно нравится. Оно ей к лицу. Правда они чудесно смотрятся вместе? Я бы не удивилась, если бы узнала, что они обручены или что-нибудь в этом роде. Обрати внимание, как он на нее смотрит! Они определенно хорошо знакомы.

— Я люблю вас, — произнес в это время Джон Саксон низким дрожащим голосом, голосом, который больше походил на молитву.

И Мэри Элизабет, сознавая, сколько глаз смотрят на них в данный момент, продолжала улыбаться сияющей улыбкой, ловя слетающие с его уст слова.

— Но это невозможно так сразу! — сказала она, улыбаясь, как если бы это была хорошая шутка. — Это что, новая мода делать предложение? Я много раз была подружкой невесты, но мне еще никогда не делали предложения при выходе из церкви.

Она строго взглянула на него из-под изогнутых бровей, с сияющей при этом улыбкой, призванной скрыть дрожь в губах и неровное биение сердца, которые вызвали в ней слова незнакомца.

— А что, есть причины, почему это не должно быть так? — выдохнул он, когда они приблизились к дверям, и в вестибюле их окружили все участники церемонии.

Ему казалось, что они пробежали по проходу почти галопом.

— Если бы не мои перчатки, то, возможно, вы бы подумали, что есть, — сказала Мэри Элизабет, внезапно о чем-то вспомнив.

— Перчатки? — произнес Джон Саксон, посмотрев на маленькую белую руку, которая, подобно белому лепестку, покоилась на его руке.

Затем он быстрым испытывающим движением положил на нее вторую руку и в ужасе поднял глаза.

— То есть вы хотите сказать, что я опоздал? — спросил он, уже не заботясь о том, что теперь они были в толпе щебечущих подружек невесты, обсуждающих, какие ошибки они совершили во время церемонии и как выглядела каждая из них.

— О, совсем не обязательно! — воскликнула Мэри Элизабет, на этот раз с озорным огоньком в глазах. — Это всего лишь проба.

Я надела его буквально час назад. Оно пришло по почте несколько дней тому назад вместе с важным письмом, и я решила его примерить. Но это еще не окончательное решение.

И Мэри Элизабет подарила ему лукавую, почти детскую улыбку, которая оставила его смущенным и совершенно разбитым. Он не знал, была ли она легкомысленной или просто продолжала говорить, чтобы скрыть замешательство, потому что теперь они находились в самой гуще толпы и где-то рядом кто-то громко давал указания гостям. Внезапно Джон Саксон осознал, что он все еще был шафером и что в его обязанности входило посадить жениха и невесту в приготовленную для них машину. Он стремительно выбежал на улицу.

То, что он сделал, конечно же, было безумием, как сказал он себе. Он заговорил об этом не вовремя, и ни одна здравомыслящая девушка не приняла бы всерьез слова, сказанные столь поспешно. Он не сомневался, что все испортил. Она даже не узнает его, когда придет в гостиницу или же созовет толпу друзей, чтобы они ее охраняли. Какой же он дурак! Как глупо он себя повел! Он никогда бы не подумал, что способен повести себя столь импульсивно.

Захлопнув дверцу за Джефом и его невестой, он обернулся с несчастным видом, чтобы посмотреть, нет ли ее где-то поблизости, но тут кто-то поймал его за локоть и затолкнул в машину.

— Сюда, Саксон, — сказал незнакомый голос. — Садись быстрее! Джеф хочет, чтобы ты ехал за ними и не отставал! — И машина рванула с места еще до того, как он успел устроиться на сиденье.

Более того, он чуть было не плюхнулся на кого-то, кто уже сидел в дальнем темном углу салона.

Он повернулся, чтобы извиниться, и услышал звонкий серебристый смех.

— Я подкупила распорядителя, ответственного за транспорт, и теперь целая машина в нашем распоряжении, — прощбетала она. — Я сделала это, чтобы ты мог закончить свою мысль.

Он перевел дыхание, его сердце забилося от радости.

— Ты хочешь сказать, что простила меня за то, что я был таким... таким... таким... самонадеянным? — спросил он.

— Не хочешь ли ты сказать, что отказываешься от своих слов? — с легким смешком, за которым нередко скрываются слезы, произнесла Мэри Элизабет.

— Отказываюсь?! — воскликнул Джон Саксон с интонацией, к которой он прибегал, когда корил какого-нибудь воспитанника в свою бытность вожатым во Флориде. — Конечно же, не отказываюсь! — упрямо повторил он. — Я никогда не откажусь от этих слов. Мне, наверное, не следовало обрушивать все это на тебя при людях. Просто я не знал, будет ли у меня еще одна возможность поговорить с тобой.

— Ну, лично я ничего не имею против этого, — сказала Мэри Элизабет, посерьезнев, — это было довольно оригинально. Это сделало наш путь по проходу уникальным. Я никогда этого не забуду! — Она говорила с подъемом, за которым могла скрываться подавляемая радость.

Джон подозрительно взглядывался в ее лицо в темноте, но она скромно сидела, забившись в угол, и он ощущал перед ней благоговейный страх. Вдруг он ошибся и она просто была одной из этих современных девиц.

Но нет! Он помнил нимб вокруг ее лица, ее милую ненакрашенную улыбку. Нет, так думать не следует! Возможно, она и не создана для него, но она была простой и естественной. Она не могла быть другой.

— Да уж, — сказал он с ноткой горечи своим приятным голосом, — тебе будет над чем потом посмеяться! Деревенский парень приехал в город, чтобы выставить себя дураком в глазах общества и поставить девушку в неловкое положение!

— Нет! — отрезала она. — Не говори так! Ты не поставил меня в неловкое положение! Мне это понравилось! Правда! Я... почувствовала себя... польщенной!

В этот момент маленькая белая рука вынырнула из темноты и забралась в его руку, как бы нежно подтверждая сказанное, и — она была без перчатки!

Он с трепетом держал эту руку, поражаясь ее утонченности, мягкости и тому, как доверчиво лежала она в его собственной сильной руке. И тогда он вспомнил о кольце под перчаткой.

— Но ведь ты уже обручена! — сурово напомнил он вслух и прикоснулся к тому пальцу, где было кольцо.

Это была та самая левая рука, которая лежала на его руке, когда они вместе шагали, точнее, бежали по проходу!

Тогда он резко выпрямился, еще раз ощупал маленькую руку и потянулся к другой, которая лежала у нее на коленях. На ней по-прежнему была перчатка!

Он откинулся назад и выдохнул с облегчением.

— А где кольцо? — спросил он.

— Здесь, в сумочке, — сказала она, мило протягивая ему крошечный ридикюль, сделанный из белых бусинок и позолоты.

— Это что, шутка? — серьезно возмутился он.

— О нет, — ответила она со смехом, — я же сказала тебе, что это не было моим окончательным решением. Я носила его с собой несколько дней и просто подумала, что могу примерить его сегодня и решить, захочу ли я носить его всегда.

На мгновение он замолчал, все еще держа маленькую руку без перчатки, которая так покорно лежала в его руке.

— В таком случае... нет причин... почему бы мне... не рассказать тебе... о моей любви!

— Ну, мне придется над этим подумать, — сказала Мэри Элизабет серьезно. — Это было несколько неожиданно, ты же знаешь. Но мы уже подъехали к гостинице. Может, нам все же лучше выйти?

Джон Саксон помог ей выбраться из машины, в восторге от того, что он мог прикасаться хотя бы к краю ее одежды, охранять ее цветы, поднять с сиденья ее перчатку, нежно касаться ее... Его сердце трепетало, он чувствовал неловкость, что было для него довольно необычно. Как правило, Джон вел себя раскованно, и он прожил достаточно, чтобы не ощущать себя новичком на этом свете. Но сейчас ему было не по себе, когда он вспоминал свои слова и ее тонкие, задористые ответы.

Они поспешили через холл и поднялись на лифте в большой зал, отведенный для свадебного приема. Джон благодарил судьбу, которая подарила ему еще несколько тихих мгновений, прежде чем они встретятся лицом к лицу с другими гостями. Он посмотрел на нее, на ее очаровательную шляпку-нимб, она улыбнулась ему в ответ. В ее улыбке не было ни тени упрека, чего он так боялся. Но при этом она казалась абсолютно независимой. Она оставалась сама собой. Его глаза жадно упивались ее утонченной красотой, предчувствуя время вынужденной скорой разлуки. Он никогда не забудет ее близости, тонкого аромата духов и естественной красоты. Он пытался воскресить в памяти ее имя, которое вертелось в голове, но при этом ускользало от него. Хелен? Но это имя не подходило для такой девушки, как она.

Двери лифта открылись, и они вошли в большое помещение, украшенное папоротником, пальмами и цветами. В плетеной беседке, подвешенной в виде орхидеи, какие растут в одном из его родных лесов Флориды, занимали свои места жених и невеста. Камилла улыбалась Джефу так радостно, что сердце Джона Саксона снова взмыло вверх. Суждено ли ему испытать такую радость в жизни?

Он посмотрел на девушку, стоящую подле него. Их глаза встретились, и между ними вспыхнула яркая искра, свет которой привел обоих в состояние счастливого восторга.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— *У*дем же, — произнесла девушка с некоторой настойчивостью в голосе, — нам нужно пройти вперед и встать рядом с молодоженами. Ты же знаешь. — И она положила свою руку, которая все еще была без перчатки, поверх его руки, и повела незнакомца через зал.

Дверцы лифта снова отворились, чтобы выпустить светло-зеленую стайку подружек невесты вместе с распорядителями, и свадебный пир пошел полным ходом. Впрочем, Джон Саксон ничего не имел против этого. Его сердце билось в новом ритме, оно ликовало от радости.

— Подержи, пожалуйста, пока я надену перчатку, — сказала Мэри Элизабет, подавая ему маленькую жемчужную сумочку, как если бы она всю жизнь пользовалась услугами Джона в качестве сопровождающего.

Джон неловко взял сумочку. Он не привык держать в руках подобные дамские вещицы. Не то чтобы он никогда не общался с женщинами, но он никогда не проявлял к ним повышенного внимания. Тем не менее, это доставило ему удовольствие. Он с интересом наблюдал за тем, как Мэри Элизабет уверенными движениями натягивала перчатку. При этом он осмелел настолько, что незаметно заглянул внутрь сумочки и нашел в ней кольцо с бриллиантом, по достоинству его оценив. Он бы никогда не смог позволить себе подарить ей такое же, думал он печально, пробираясь между гостями.

Даже если бы он преуспел сверх всякого ожидания, это было бы ему все равно не по карману. Это кольцо было прислано не иначе как миллионером, и она взвешивала его ценность, а также ценность его владельца. Джон был так опечален этим, что дядя Уоррен Вейнрайт потом спросил свою жену, не показался ли ей шафер несколько угрюмым малым. Но та не согласилась с замечанием мужа. Напротив, она полагала, что он отлично выглядел, был привлекательным, загорелым и хорошо сложенным. Успокоившись, мистер Вейнрайт решил, что он, должно быть, ошибся. Это было похоже на дядю Уоррена. Он всегда был готов согласиться с мнением жены. Но, несмотря на это, ему удалось скототить неплохое состояние.

Длинная процессия, состоявшая из сентиментальных и застенчивых друзей, наконец приблизилась, и подружки невесты были рассажены вокруг специально отведенного для них стола, в «тронном» конце банкетного зала, как выразился Джеффри.

— Ну вот, — сказала Мэри Элизабет, когда Джон Саксон усадил ее, — здесь очень мило и уютно. А разве ты не знал, что мы должны были сидеть рядом? — Джон опустил на стул рядом с ней, чувствуя себя узником, которого освободили условно.

Там, где они сидели, было довольно уединенно, если не считать веселого смеха и болтовни участников праздничной церемонии. Свадебные розы, высокие свечи — все это делало их окружение похожим на сказку, и они продолжили свое милое общение, а на лице девушки всегда была наготове дежурная улыбка. И никто не замечал, что друг жениха был полностью поглощен хорошенькой подружкой невесты.

Совершенно неожиданно, или им так только показалось, свадебный ужин подошел к концу. Сердце Джона упало. Скоро чудные нити порвутся, и как знать, когда он сможет увидеть ее снова? Он пытался строить какие-то планы, говорить о них ей, но ее присутствие сковывало его. Он должен был сказать ей о том, что был бедным человеком и что пройдет какое-то время, прежде чем он сможет претендовать на ее руку. Он должен был сказать, что ему предстоит еще год учебы в медицинской аспирантуре. Она должна

была знать, что ее свадьба никогда не будет такой же пышной, как та, на которой они присутствовали. Он не был Вейнрайтом. Были вещи, которые ему следовало сказать, чтобы решить, что им делать дальше, но он ничего не мог поделать с собой, он не мог облачить их в слова. Он не мог говорить об этом среди всех этих милых и веселых гостей, которые выкрикивали через стол ничего не значащие любезности. Они были собраны вместе на один вечер, они не были знакомы, но их объединяла любовь к жениху и невесте. Его язык был скован! И, возможно, подобного случая поговорить больше не представится!

— Но я даже не знаю твоего адреса, — едва не плача проговорил он, когда невеста вдруг встала со своего места, а с ней поднялись и все присутствующие.

— Я запишу его и отдам тебе прежде, чем ты уедешь, — заверила она с улыбкой. — Где моя сумочка? У меня должны быть карандаш и бумага.

Он нехотя протянул ей ридикюль. Казалось, рвется одна из тончайших нитей, которая связывала их всего несколько часов назад.

— Все будет готово, когда ты спустишься вниз. — Ее улыбка сияла. — Ведь тебе нужно будет подняться наверх с Джефом, не так ли? Я буду ждать тебя в нише и *сама* отвезу тебя на вокзал, поэтому не заказывай такси и ни с кем не договаривайся. Это входит в обязанности подружки невесты, когда ее обязательства по отношению к невесте уже выполнены. Она должна позаботиться о друге жениха, ты же знаешь. То есть когда он нуждается в заботе.

Она ускользнула вверх по ступенькам, одарив его сияющим взглядом. Глядя ей вслед, он признался себе, что не был вполне уверен, играет ли она с ним или принимает его всерьез. Тем не менее, он отправился в комнату Джефа, насвистывая в так музыке, которая звучала у него в душе.

Тем временем, пока гости ожидали внизу, чтобы сыграть над отъезжающими женихом и невестой принятые в таких случаях шутки, а на всех выходах из отеля были расставлены «часовые», Камилла с помощью матери и мисс Йорк, их общего друга, сняла

с себя свадебный наряд и оделась в простое, но очень милое дорожное платье. Она нежно поцеловала всех на прощание, включая Мэри Элизабет, которая заглянула в комнату минутой раньше, и теперь стояла, держа в руках драгоценные орхидеи.

— А что ты собираешься делать со своим букетом, Камилла? — спросила она. — Ведь ты не можешь уехать, не бросив его по традиции подружкам невесты.

— Тебе придется сделать это за меня, кузина, — ответила Камилла с улыбкой. — Или, может быть, ты хочешь оставить их себе? Если они принесут с собой счастье, то ты непременно должна так и сделать, Мэри Элизабет, дорогая! Я тебя очень полюбила.

Надев поверх платья накрахмаленный белый медицинский халат и колпак и подвернув под него мягкие полы своей шляпки, Камилла пошла по направлению к дверям, ведущим в другую анфиладу комнат. Немного помедлив, она оглядела остающихся счастливыми глазами.

— Спокойной ночи! — взмахнула она рукой на прощание.

— Но, Камилла, где же твой багаж? — спросила Мэри Элизабет.

— В полной безопасности, в нашей машине, которая ожидает нас в небольшой деревушке в трех милях от города. Джеф все предусмотрел. До свидания, и поступай, как знаешь, Мэри Элизабет. Можешь спуститься вниз и объявить, что я сбежала, и ты не обнаружила ничего кроме букета, и что теперь он твой, поскольку ты нашла его первой.

Улыбнувшись еще раз и послав всем воздушный поцелуй, она повернулась, вошла в другую комнату и закрыла за собой дверь. Медсестра Йорк тут же ее заперла, и три заговорщицы поспешили вниз обходными путями с совершенно невинным видом.

Никто не обратил внимания на медсестру с подносом тарелок, которая вышла из заднего помещения и поспешно спустилась вниз по служебной лестнице.

В конце здания стоял фургон фирмы, обслуживавшей торжество. Два молодых человека в поварских колпаках и передниках прошли через подвальное помещение кухни и поспешили по на-

правлению к фургону. За ними последовала медсестра. Все трое забрались в машину. При этом даже бдительные «сторожа» во дворе ничего не заподозрили. Задние дверцы фургона захлопнулись, водитель сел на свое место и поставил ногу на газ.

— Да, кстати, — сказал Джон Саксон, приблизившись к окошку фургона, — мне очень понравилась твоя мисс Фостер. Спасибо за то, что ты нас познакомил!

— Но ты с ней не знаком, — хихикнула девушка в одежде медсестры.

— Нет, знаком, — с жаром возразил Джон Саксон, — для нас это не было проблемой. Мы сами представились друг другу!

— Ничего подобного, — прокричала она в полголоса. — Ее здесь вообще не было!

Но водитель надавил на газ, и машина сорвалась с места, оставив позади молодого человека в полном недоумении.

Он вернулся назад через служебный ход, снял с себя поварской наряд и незаметно смешался с толпой гостей.

— Ой, привет! — обратился к нему кто-то из присутствующих. — Вот шафер! Где же молодые, мистер Саксон? По какой лестнице они будут спускаться?

— А разве здесь можно спуститься, минуя лифт? — невинно поинтересовался Джон Саксон. — Джеф был готов к выходу, когда я оставил его.

Возбужденные гости образовали несколько небольших групп, затем появление улыбающейся сквозь слезы матери невесты привело всех присутствующих в состояние наивысшего напряжения. Лифт с шумом поднимался и опускался, и всякий раз воцарялось гробовое молчание, когда из него выходили всего лишь постояльцы отеля. Все гости стояли в большом холле, сжимая в руках лепестки роз, рис и конфетти. У входа стояла большая машина, принадлежавшая мистеру Уоррену Вейнрайту, в которую, как все думали, должны были сесть жених и невеста. Машина была украшена белыми атласными лентами, старыми башмаками и соответствующими надписями. Время шло, а жениха с невестой так и не было!

— Я пойду наверх и посмотрю, не случилось ли чего! — заявила Мэри Элизабет, когда возбуждение гостей превзошло все мыслимые пределы и они стали что-то подозревать.

Мэри Элизабет вошла в лифт и исчезла из виду.

Через несколько минут она вновь предстала перед гостями с огромным букетом орхидей в руках! Тем самым букетом, поймать который мечтала каждая из четырех подружек невесты!

Увидев его, они уже не нуждались в драматичном объявлении, сделанном Мэри Элизабет: «Ее нет! А букет достался мне!» Все поняли, что произошло.

Громкий стон раздался из уст разочарованных шутников, и если бы на месте Мэри Элизабет оказалась другая девушка, не обладавшая ее веселой дружелюбной улыбкой, то ей пришлось бы не сладко.

Но Мэри Элизабет, воспользовавшись всеобщим волнением, скрылась в своем номере. А к тому времени, когда гости начали понемногу расходиться, она вышла с большим темным свертком в руке, безмятежно позвякивая ключом и никого не дразня орхидеями. Когда Джон Саксон вернулся, проведив мать Камиллы в ее номер, как обещал Джефу, он увидел Мэри Элизабет, кротко ожидавшую его в нише. Длинное атласное одеяние закрывало элегантное платье, а ее глаза сияли подобно звездам.

Он не мог скрыть своего восторга, что снова видел ее приветственную улыбку, как если бы они уже долгое время принадлежали друг другу. Даже в краткий миг разлуки он начал сомневаться, действительно ли он повстречал такую девушку. Конечно же, волшебство померкнет, как только он приблизится к ней...

Но она была здесь, из плоти и крови, не менее очаровательная в простой черной атласной накидке, надетой на смену сияющему розовому шифону.

Она сняла перчатки, и, прежде чем они пошли по направлению к машине, он снова замер, взяв ее руки в свои.

Швейцар взял его багаж и, положив в машину Мэри Элизабет, вежливо откланялся. Спустя мгновение, отъехав от сверкающего

огнями входа в отель, они остались одни. Совсем одни с тех самых пор, когда он впервые увидел ее! Но, увы, он словно онемел, не в силах выговорить ни слова.

Ему хотелось заключить ее в объятия, но его охватила невероятная робость. Он хотел выложить все, что было у него на сердце, но не находил слов. Все казалось неуместным и надуманным.

Джон Саксон всегда относился к женщинам с великим почтением, которое унаследовал от своей скромной, благочестивой матери. С сильной неприязнью он воспринимал современных модных девушек с кроваво-красными губами, выщипанными бровями и накладными ресницами. Девушек, которые завоевывали мужчин, а потом коллекционировали их скальпы подобно свирепым индейцам; девушек, которые непрерывно курили и расхаживали в брюках, будь то длинных или коротких. От таких девиц он отворачивался с отвращением. Он ненавидел их самоуверенность, их заносчивость, их борьбу за свои «права» и презрение ко всему святому. У него были большие сомнения даже относительно Камиллы, пока он не увидел ее, не понаблюдал за ней, не поговорил с ней и не убедился, что она была совершенно неиспорченной, несмотря на ее чудные золотистые волосы и изящную одежду.

И теперь встреча с еще одной девушкой, обладающей красотой, умом, воспитанием, лишенной всех тех манер, которые он так ненавидел, — все это почти вернуло его веру в истинную женственность. Он определенно почитал ее так, как если бы сам Бог только что протянул ее ему прямо с небес.

— Ну, — сказала Мэри Элизабет, завернув за угол и выехав на широкую улицу, обсаженную вязами, — драгоценное время уходит. Что ты собирался сказать, на что у тебя не хватило времени, когда мы вместе шли по проходу?

— Прости, — отозвался он, — у меня такое чувство, что просто сидеть рядом с тобой — это уже счастье. Я пытался убедить себя в том, что это не сон. Видишь ли, мне все еще не верится, что моя многолетняя мечта о тебе воплотилась именно так, когда я нашел тебя, *если это, конечно, правда!*

— Это одна из самых приятных вещей, которые мне когда-либо доводилось слышать, — произнесла Мэри Элизабет тихо.

— Полагаю, что тебе доводилось слышать комплименты от множества мужчин, — заметил Джон Саксон мрачно.

— Да, — согласилась девушка задумчиво, — от многих. Но я не уверена, что они всегда были искренни. Они не всегда радовали меня. А твои радуют. Знаешь, как чудесно найти того, с кем не нужно постоянно болтать, чтобы чувствовать себя комфортно. Даже если я тебя больше никогда не увижу, у нас был чудесный вечер, не правда ли? Я никогда тебя не забуду.

Джон Саксон наклонился к ней, заглядывая в лицо.

— И это *все*, что происходит для тебя значит? — спросил он испытывающе.

— Я этого не говорила, — ответила Мэри Элизабет с озорными огоньками в глазах, которые он видел даже в темноте. — Я не буду чинить никаких препятствий, если ты снова захочешь меня увидеть. Я всего лишь сказала, что если никогда тебя больше не увижу, то никогда не забуду этого чудесного вечера. Ты должен помнить, что мне ничего о тебе не известно, кроме того, что ты, предположительно, являешься одним из друзей Джефа. Как ты знаешь, я приехала только сегодня утром, и ни одна живая душа не успела ничего сообщить мне о тебе!

— А они и не стали бы обо мне говорить, — заметил Джон Саксон сухо, — им просто нечего было бы сказать. С моей стороны было ужасно самонадеянно сказать тебе то, что я сказал. Я самый обыкновенный человек, и возможно, твоя судьба уже связана с чьей-то другой.

— Я же сказала тебе, что это вопрос не решенный! — воскликнула Мэри Элизабет, подъезжая к станции и останавливаясь.

— Да, — произнес молодой человек, непонимающе глядя на здание вокзала. — Да, ты говорила, что это не окончательное решение, но ты не дала мне никакой надежды быть выслушанным.

— Но я слушаю тебя!

— Но ты же не дала мне ответа.

— А ты ожидал ответа?

— Не знаю, — проговорил Джон Саксон тихо, — я бы хотел его получить.

— Но я не помню, чтобы ты задал какой-то вопрос. — Голос Мэри Элизабет был тихим и нежным, но при этом немного сдержанным.

— Но как же? Я сказал тебе, что люблю тебя и прошу стать моей женой!

— Правда? — произнесла Мэри Элизабет все так же мягко и невинно. — Я не была в этом уверена. Мне показалось, что я вытянула из тебя это признание!

Он резко поднял на нее глаза и опять увидел в них пляшущие огоньки, но при этом ее взгляд был немного печален. Неужели она продолжала смеяться над ним и намеревалась довести эту игру до победного конца?

— Но не ожидал же ты, что я признаюсь тебе в любви, идя по проходу в церкви на свадьбе другой девушки?

Несмотря на дразнящий блеск в глазах, в ее голосе было что-то родное и нежное, как если бы она обращалась к маленькому мальчику, которым он был когда-то много лет назад, когда мечтал о ней.

— Нет, конечно нет. Я не мог ожидать, что ты будешь чувствовать то же самое, что и я, — сказал Джон Саксон смиренно.

— Я сейчас говорю не о чувствах, — продолжала Мэри Элизабет с высоко поднятой головой. — Но даже если бы я и чувствовала что-то, то не могла же я выпалить тебе признание прямо в присутствии всех гостей?

— Ты права, — ответил Джон Саксон удрученным голосом.

— А что касается брака, то людям всегда нужно время, чтобы подумать об этом, не правда ли?

— Полагаю, что некоторым людям нужно. Но не мне!

— Но и тебе следовало бы подумать, — продолжала Мэри Элизабет тем же мягким голосом, словно пыталась что-то внушить маленькому мальчику.

— Я рад, что не стал думать! — внезапно сквозь зубы процедил Джон.

Мэри Элизабет хорошо видела его строгий профиль на фоне ярко освещенной вокзальной платформы.

— Знаешь, я тоже рада! — воскликнула Мэри Элизабет, вскинув голову и засмеявшись легким мелодичным смехом. — Вон едет твой поезд, и тебе нужно достать багаж! Ты действительно должен сегодня уехать?

— Да! — резко отозвался Джон Саксон и выскочил из машины.

Он бросился к багажнику, открыл его, рывком достал сумки, исподволь взглянув на приближавшийся, чтобы разлучить их, желтый луч света. Но, прежде чем он успел заглянуть в машину, чтобы наскоро попрощаться, он увидел ее, стоявшую возле себя.

— Ты не дала мне своего адреса, — сказал он, задыхаясь, еще раз отмеряя взглядом расстояние до путей.

— Вот он. — И она вложила маленький белый конверт в его руку. — Когда я... Когда ты... То есть, я хотела сказать... Ты дашь о себе знать... когда-нибудь? — Ее голос слегка дрожал, но она уверенно смотрела ему в глаза с улыбкой на губах.

Нет, это была не насмешливая улыбка. Его глаза просветлели.

— Я напишу тебе сегодня же! — воскликнул он. — О, если бы у меня был еще один час, я бы все отдал. Как глупо я потратил время! — Он с нежностью смотрел на нее.

— Да, ты прав, пожалуй, — сказала она мягко. — Но все было замечательно, не так ли?

Он перевел дыхание, уловив нежность в ее голосе, и ему страшно захотелось схватить ее и прижать к себе, но он не смел, не зная, как она на это отреагирует. Почтение к ней удерживало его. В двух шагах от них останавливался поезд.

— О, — выдохнул он, — я люблю тебя!

— Но, — промолвила Мэри Элизабет с тоской. Ее ресницы слегка вздрогнули, а глаза блеснули, — разве ты не поцелуешь меня на прощание? Даже просто друзья часто так делают...

Но не успела она договорить, как его руки стремительно обвили ее, а его губы слились с ее губами.

— Любимая моя! — шептал он. — О, любимая моя!

Но его нежный шепот был прерван резкими словами кондуктора:
— Всем пассажирам занять свои места!

Джон Саксон внезапно отпустил ее, как если бы вдруг пробудился от сна; он схватил свои вещи и бросился к ближайшему вагону, который уже начал медленно отъезжать от перрона. Оглянувшись, он увидел Мэри Элизабет, которая торопливо шла рядом с поездом по платформе: ее щеки покраснелись, но она не выглядела оскорбленной. Более того, ее глаза по-прежнему сияли, в уголках губ была улыбка, а подбородок был слегка приподнят, как если бы она была горда тем, что произошло.

И тогда сердце Джона Саксона взмыло от радости.

— Это было окончательно, дорогая! — выкрикнул он, пытаясь перекричать шум поезда.

— Да? — отозвалась Мэри Элизабет. — Ты действительно довел это до конца.

А поезд, как если бы он вдруг вспомнил о своих обязанностях, набрал скорость и разлучил их. Все улетучилось подобно дыханию, и Мэри Элизабет осталась стоять одна на длинной пустой платформе, провожая глазами быстро удаляющийся красный огонек.

Уехал!

Она прижала к горячей щеке тыльную сторону ладони, слегка коснулась пальцами губ, как если бы касалась чего-то бесценного, и улыбнулась.

Неужели все это произошло на самом деле?

Еще немного постояв, она вернулась в машину и уехала.

Когда Мэри Элизабет добралась до гостиницы, швейцар подозвал шофера, который отогнал ее машину в гараж, а она поднялась в свой номер, включила весь свет и подошла к зеркалу, чтобы прямо посмотреть себе в глаза и понять, что она о себе думает.

